ГОСУДАРСТВО И ДЕНЬГИ

Как государство завладело денежной системой общества

Печатается по изданию: *Ротбард М*. Государство и деньги. 3-е изд. Челябинск: Социум, 2008. Пер. с англ. А. Куряева, Гр. Сапова, Е. Филипповой; пер. с франц. Ю. Школенко; научный редактор Гр. Сапов.

Предисловие к первому русскому изданию

Предлагаемая вашему вниманию книга американского экономиста Мюррея Ротбарда (1926—1995) о деньгах, без сомнения, будет с огромным интересом прочитана теми, кто интересуется феноменом денег, и ничего не знает о теоретических баталиях по этому поводу. Экономисты, получившие общее экономическое образование, а также, возможно, некоторые историки, прочтут ее с удивлением и, скорее всего, с немалой долей раздражения. Я думаю, знай Ротбард, что он удовлетворил любопытство интересующихся и рассердил ученых-экономистов, он был бы доволен (хотя, повторю, это — целиком и полностью мой домысел). VIII*

По своим научным взглядам Ротбард принадлежит австрийской школе экономической мысли. Эта школа была когда-то знаменита на весь мир, затем ее постигло почти полное забвение, а сегодня она вернула себе научный престиж и медленно, но верно становится известной широкой публике. Одним из признаков роста этой известности стало предлагаемое — второе — издание книги, которую вы держите в руках.

«Австрийской» эта школа, возникшая в последней четверти XIX в., называется потому, что ее основатель и его ближайшие последователи были австрийцами. Работы этих авторов (Карла Менгера, Ойгена Бен-Баверка, Фридриха фон Визера и других) были переведены на итальянский, французский, шведский и английский языки, и на рубеже XIX—XX вв. оказывали сильнейшее влияние на ту ветвь мировой экономической мысли, которая не разделяла социалистических взглядов. К началу 1930-х годов, когда вышли работы представителей второго поколения австрийской школы, она стала влиятельной и признанной, однако затем угасла, попав под набиравший мощь водопад кейнсианских работ. После войны 1939—1945 гг. кейнсианство, сумев приспособить для IX

* На полях под чертой указано начало страницы по 3-му русскому изданию 2008 г. См. Указатель.

своих нужд доминировавшую ранее неоклассическую традицию, на долгие годы стало господствующей философией экономистов, государственных служащих, журналистов и широких слоев общественности западного мира. Австрийская школа, казалось, умерла (ученик Ротбарда, американский экономист Уолтер Блок, писал, что в 1965 г., готовясь к защите Ph.D. по экономике в Колумбийском университете, он ничего не слышал о существовании этого направления экономической мысли до своего личного знакомства с Ротбардом).

Именно в конце 1940-х годов происходит знакомство автора предлагаемой книги с величайшим экономистом и социальным философом XX в., лидером австрийской школы Людвигом фон Мизесом (1881—1973). Л. фон Мизес, переехавший в США в 1940 г., работал тогда над подготовкой к изданию своего главного труда «Человеческая деятельность» (русский перевод вышел в издательстве «Экономика» в 2000 году, в настоящее время издательство «Социум» готовит его второе издание). Кроме того, по своей многолетней, еще венской привычке, Мизес вел семинар, организовав его при Школе бизнеса Университета г. Нью-Йорк. Этот семинар и стал посещать, начиная с 1947 г., Мюррей Ротбард — тогда молодой математик, получивший вдобавок магистерскую степень по экономике, выпускник Колумбийского университета, куда более престижного нью-йоркского высшего учебного заведения. С этого семинара началась долгая и успешная научная и общественная карьера Ротбарда.

Приняв решение о необходимости получения Ph.D. по экономике, Ротбард выбрал своими наставниками Мизеса и одного из лучшего американского специалиста по истории экономической мысли Джозефа Дорфмана, профессора Колумбийского университета (Мизес, отношение к которому в академической среде было по меньшей мере сложным, не имел формального права быть научным руководителем). Во время подготовки и после защиты диссертации он пишет и публикует одну за другой теоретические статьи, а в 1963 г. издает фундаментальный трактат по экономической теории «Человек, экономика и государство». Перу Ротбарда

принадлежат также много раз переиздававшаяся «Великая депрессия в Америке», четырехтомник по экономической истории колониального периода и войны за независимость США, «Власть и рынок» (русское издание 2003 г.), «Этика свободы», двухтомная «История экономической мысли: австрийский взгляд» и другие книги. Всего за 45 лет активнейшей научной, преподавательской и общественной деятельности им написано 25 книг и тысячи статей, в том числе более пятисот в академическом формате.

XI

В 1982 г. Ротбард организует (при поддержке вдовы Мизеса, Маргит фон Мизес, а также видного американского публициста Генри Хэзлита и ученика Мизеса, занимавшегося у него еще в венском семинаре, Фридриха Хайека) Институт Людвига фон Мизеса, возглавляет редакцию Austrian Economics Review, выступает в печати по актуальным проблемам экономической политики.

Книга «Государство и деньги» впервые вышла в 1964 г. Она переведена на многие языки мира и неоднократно переиздавалась в США. Русский перевод дополнен работой нового, уже пятого поколения экономистов австрийской школы, немецкого ученого Гвидо Хюльсмана, в которой события денежной истории прослежены от второй половины 1970-х годов до рубежа XX—XXI вв.

Заслуги австрийской школы велики и многообразны. Поставив во главу угла человеческую индивидуальность, эти экономисты обнаружили единство логики любой человеческой деятельности. Чем бы ни занимался человек, он действует целенаправленно и намерено, его усилия имеют неустранимую духовную компоненту. Мы можем постичь намерения других людей, глядя на то, что они фактически делают. Люди могут ошибаться — и не только потому, что не знают всех законов природы, но и потому, что оценки и планы людей изменчивы. Все многообразие человеческих мотивов и целей базируется на едином принципе: *человек действует, желая изменить улучшить ситуацию так, как он это понимает это улучшение.* Из этой аксиомы австрийцы выводят всю экономическую конкретику. Экономическая наука в их изложении перестает быть собранием никак не связанных

XII

осколков эмпирии, хаотически перемешанных с линейным программированием, математической статистикой и жалкими пародиями на законы термодинамики. Однако, приобретая цельность, экономическая теория в исполнении австрийской школы лишается статуса идеологического, «научного» оправдания сменяющих друг друга авантюр в области экономической политики. С ее помощью невозможно ни оправдать инфляцию, ни указать верные «точки роста», способные будто бы обеспечить некие «прорывы», ни освятить научным авторитетом какие-то другие волшебные способы обеспечить экономический рост ценой — всего-навсего — насильственного перераспределения к общему благу чужой собственности группой лиц, называющих себя государством.

Важнейшим частным случаем человеческой деятельности является обмен. Пристальное внимание австрийской школы к обмену объясняется теоретической прозорливостью и любопытством ее основателей. *Обмен — это добровольный акт, в ходе которого стороны отказываются от того, что ценят меньше, получая то, что ценят больше.* Обмен позволяет человеку получить то, чего у него нет. Но это не единственный способ. Альтернатива обмену — насилие или изолированное существование. Насилие имеет для многих некое обаяние. Скажем, дети часто, насмотревшись кино, играют в войну или в гангстеров. Но, вырастая из детского возраста, люди, — кто раньше, кто позже, — начинают понимать: для того, чтобы насилие обеспечивало одних булками, свежими сорочками, мерседесами, электролампочками, сменными лезвиями для бритвы, не говоря уже о штанах, другие должны произвести эти мерседесы и штаны. Изолированное существо при известной сноровке, конечно, может, затратив изрядное время, произвести булку или штаны. Но вот производство электролампочек (не говоря уже о мерседесах и жигулях) для изолированного человека более проблематично. *Обмен расширяет и углубляет разделение труда и специализацию, обеспечивая на этой основе накопление капитала, который не только умножает человеческие усилия, но и делает возможным то, что невозможно для изолированного человека.* Обмениваясь, люди сотрудничают. Сотрудничая, они

получают гораздо больше, чем враждуя. Когда эта нехитрая мысль была усвоена сильными мира сего, вдруг выяснилось, что для того, чтобы понежиться под солнцем, северянам вовсе не обязательно завоевывать южан. Достаточно купить билет на самолет и снять номер у моря. Южанам тоже больше не улыбается перспектива ежегодных набегов на северные города с целью увода в рабство изготовленных на севере автомобильных стад. Обмен продуктивен именно потому, что каждый отдает то, что ценит меньше, получая то, что ценит больше. Особенно эффективен обмен, осуществляемый с помощью денег.

На первый взгляд, деньги обеспечивают пусть удивительно простой и изящный, но всего лишь способ некой рационализации обмена. Теперь не нужно искать всех, кто согласен участвовать в длинных и нестабильных обменных цепочках — появляется возможность продавать и покупать. *Деньги — универсальное средство обмена, являющееся таковым в силу известности этого факта и привычки к нему.* Однако эта простота денег закрывает от нас факт совершенно революционной трансформации мира, знающего деньги, по сравнению с миром, обменивающегося вещами напрямую. Появляются денежные цены и возможность предварительного расчета своих действий. Цены указывают нам и наши возможности, и интенсивность спроса на наш труд или товары. Полагая цены более или менее постоянными, мы начинаем по-иному организовывать свои действия. То, что ценится выше, бросает обратный отсвет на то, что нужно для его производства. Не потому золото дорого, что тяжел труд старателя — старатель идет на тяжелый труд, потому, что золото дорого.

Действуя так, чтобы достичь своих целей, в чем бы они ни заключались, человек всегда опирается на некие известные ему факты и параметры настоящего. Кроме того, он считает, что эти причинно-следственные связи, соединяющие факты в его сознании между собой, эти параметры или, по крайней мере, их соотношения, сохранятся в будущем. Булка вряд ли будет стоить дороже мерседеса завтра, если она стоила много дешевле сегодня, и если система цен не разрушится.

Будущее, однако, не предопределено. Истрачиваются горы долларов и рублей на маркетинговые исследования и «научные» прогнозы, однако банкротства в бизнесе от этого никуда не деваются. Нечто произведено, а спроса нет, причем, это обидным образом выясняется апостериорно, когда ресурсы затрачены. Великий механизм рынка безошибочно указывает, что именно общество признаёт за результат, но только после того, как результат предъявлен. Покупая товары и услуги, или отказываясь от покупки, люди голосуют рублем. Под ударением здесь слово «люди» — из оценки переменчивы, их вкусы непостоянны. Покупатели лишь своими фактическими действиями показывают производителям, что именно они считают более ценным, чем истраченные ресурсы, а про что думают — это не стоит сожженного топлива и глянца рекламных страниц.

XV

Итак, будущее чревато убытками. Но именно поэтому оно чревато и прибылью. Предприниматель получает вознаграждение не потому, что он хороший человек. И не потому, что он паук-кровопийца. И не потому, что он создал рабочие места. Предприниматель создал рабочие места потому, что он полагает — произведенное будет больше цениться людьми, чем истраченное при производстве. *Прибыль — выигрыш в споре с неопределенностью будущего*, а сама эта неопределенность есть неотъемлемое следствие человеческой деятельности. Человек действует, желая изменить ситуацию к лучшему, так, как он это лучшее понимает — и поди объясни ему, что эти ботинки хороши, а эти автомобили лучше тех. Прибыль — честный заработок, а бизнес — честный спорт, пока продавец не заставляет покупать силой. Но тогда это деяние не покупка, а предприниматель — не предприниматель, а всего лишь грабитель. «Всего лишь» — потому что предприниматель, кроме того, что он выносит суждение о будущем, имеет волю и храбрость, которая и не снилась грабителям — он действует в соответствии со своим представлением о том, что будет, когда он организует производство и выйдет к покупателям с товаром, не имея возможности заставить их признать этот товар более ценным, чем деньги покупателя. Покупка — это частный случай обмена,

XVI

а обмен, как мы уже знаем, есть добровольный акт, в ходе которого стороны отказываются от того, что ценят меньше, получая то, что ценят больше.

Действуя на рынке, люди ориентируются на рыночные цены. И когда мы действуем как предприниматели, и когда — как покупатели, мы рассчитываем на некую структуру цен. За газету вчера я платил десять рублей, а за пакет молока — двадцать. Вряд ли завтра за газету я буду платить сто рублей, а за пакет молока — пять. Мы понимаем, что газета, которую мы хотим пролистать, стоит столько-то, а газета, которую мы хотим купить как налаженное производство и бренд — столько-то. Денежные цены — это количества денежных единиц, которые нужно отдать в обмен за нужные нам товары и услуги. От того, насколько система цен отражает всю совокупность представлений о сравнительной ценности товаров, напрямую зависит то, что будет производиться, а что нет, сколько усилий будет затрачено на производство штанов, а сколько — на производство электролампочек или газет. Силовое вмешательство в эту систему, даже с самыми благими намерениями, чревато быстрым распадом всей кажущейся такой незыблемой и устойчивой современной цивилизации. История показывает, что от фиксации хлебных цен до хлебных бунтов проходят не годы, а месяцы. Мерседес при определенных обстоятельствах вполне может оказаться не дороже булки (я, правда, надеюсь этого не застать, хотя и равнодушен к автомобилям).

Политическому классу гораздо более соблазнительным кажется не трогать цены, а раздавать деньги. Однако, чтобы нечто раздавать, нужно это откуда-то взять. В современном обществе, основанном на демократических процедурах, этот способ аккумуляции раздаваемого имеет довольно очевидные ограничения. Заслуга Кейнса состоит в том, что он сформировал у политического класса убеждение, будто экономическая наука знает способ раздавать деньги, ни у кого их не отбирая. После семидесяти лет распространения и господства кейнсианства в теории и все более широкого применения на практике, политический класс на Западе стал подозревать, что здесь что-то не так. В нашей стране

обаяние кейнсианства, однако, по-прежнему велико. Возможно, причина этого в неизжитых иллюзиях нашей общественной мысли 1960—1980-х годов. Социализм желателен и возможен, только нужно переназвать его, отказавшись от наиболее одиозных, «некультурных» форм. Тогда, переведенный на русский язык еще в советское время Кейнс, немало способствовал утверждению этого умонастроения. «Вот, можно же, то же самое, но как-то... по-человечески, с использованием товарно-денежных отношений. Государственные программы, общественные работы, управление денежной массой наконец».

Однако неверный путь остается неверным вне зависимости от того, прямой он, как марксистская стрельба по классовым врагам, или кружной, как кейнсианское или монетаристское манипулирование денежной системой. Это — путь в тупик. Одной иллюзией, правда, стало меньше. Теперь, когда мы не изолированы от мира, оказалось, что на этом пути стоят более или менее все. Многозначное лукавое «мы» опять поменяло свое значение. Мы теперь в большей степени — мы все. И скучные европейские бюрократы, и всемогущие владыки из экзотических стран, и мы, которые тут живем, — это теперь мы все.

На каком отрезке этого пути *мы все* находимся и как *мы все* здесь оказались? Можно ли — хотя бы теоретически — пойти другой дорогой? Один из вариантов ответа на этот вопрос дает книга Мюррея Ротбарда, предлагаемая читателю.

Гр. Сапов,
февраль 2004 г.

Предисловие к четвертому изданию

Если не считать войн, то денежная политика является главным способом усиления государственного вмешательства в экономику. С ее помощью осуществляется разрастание государственного аппарата, финансируется дефицит государственного бюджета, вознаграждаются группы специальных интересов и ведется предвыборная борьба. Без денежной политики рухнет федеральный Левиафан, и мы сможем вернуться к республике, построенной на принципах отцов-основателей. 3

Кроме того, наша денежная система не только политически коррумпирована, она также порождает инфляцию и экономический цикл. Что здесь можно сделать?

В качестве ответа на этот вопрос Институт Людвига фон Мизеса рад представить вниманию читателей четвертое, дополненное издание классической работы Мюррея Ротбарда «What Has Government Done to Our Money?»

Впервые опубликованная в 1964 году, эта книга является одним из первых произведений проф. Ротбарда, оказавших существенное влияние, несмотря на свой небольшой объем. Невозможно подсчитать сколько раз читатели, как экономисты, так и не экономисты, говорили мне о том, что эта небольшая книга раз и навсегда изменила их взгляд на денежную политику. Прочитав эту работу, уже невозможно испытывать благоговейный трепет, выслушивая заявления служащих Федерального резерва. Невозможной становится 4
и та доверчивость, с которой люди, не читавшие ее, относятся к бесчисленным статьям по денежным вопросам. Предлагаемая вашему вниманию книга Ротбарда — несомненно, лучшее введение в денежные вопросы. Как и для других работ профессора Ротбарда, для нее характерны ясность изложения и неотразимость выводов и фактов.

В книге затронуты экономико-теоретическая, политическая и историческая проблематика. В области экономической теории автор разделяет позицию Людвига фон Мизеса, согласно которой деньги как экономический феномен возникают в процессе добровольных рыночных обменов.

Никакой общественный договор или правительственное постановление не состоянии *создать деньги*. Они появляются как следствие поиска людьми таких форм добровольных экономических отношений, которые были бы более удобными, чем бартер. Увеличение совокупного запаса денег, имеющихся у всех членов общества, в отличие от увеличения совокупного количества товаров и услуг, не сопровождается увеличением общественных выгод. Деньги лишь облегчают обмен товарами и услугами. Если же совокупное денежное предложение увеличивается учреждением центрального банка (каковым является Федеральный резерв), то это влечет за собой совершенно разрушительные последствия. В книге профессор Ротбард дает самое ясное и исчерпывающее объяснение феномена инфляции и анализ ее последствий.

Анализ экономической политики, проводимый автором, приводит к выводу, согласно которому принципы свободного рынка можно и нужно распространить на «производство» денег и процесс их распространения по обществу. Нет никакой необходимости оставлять это в монопольном ведении министерства финансов США, не говоря уже о картеле частных банков с государственным участием и поддержкой, каковым является Федеральный резерв.

Для того, чтобы деньги хорошо работали, необходимо всего-навсего фиксированное определение денег.

В такой денежной системе свободного рынка исчезает проблема конвертируемости — деньги, определенные таким образом, являются по определению конвертируемыми как внутри страны, так и за рубежом. Депозиты до востребования, чековые счета и т.п. возможны только в случае 100-процентного обеспечения резервами, а для срочных вкладов структура резервов определяется экономическим благоразумием конкурирующих между собой банкиров и бдительностью потребителей их услуг.

Однако, главное в книге проф. Ротбарда — ее исторический контекст. Начав с классического золотого стандарта XIX века, автор завершает свое исследование изучением последствий введения единой европейской валюты и мира неразменных денег. Особого внимания заслуживают его

анализ Бреттон-Вудской системы и ликвидации «золотого окна» в начале 1970-х годов.

Исследование профессора Ротбарда показало, что всегда и всюду государство является противником устойчивых денег. С помощью банковских картелей и инфляции группы частных лиц, называющие себя «государством» грабят людей, уменьшают ценность имеющихся у них денег и провоцируют спад и депрессию в экономике.

Значительная часть этих выводов отрицается или игнорируется основным течением («мейнстримом») экономической науки. В работах мейнстрима упор всегда делается на то, как «нам» лучше всего «использовать» экономическую политику. На какие показатели роста должен ориентироваться Федеральный резерв, планируя денежное предложение? На динамику ВВП? На процентные ставки? На кривую доходности? На изменение курса доллара к иностранным валютам? На индекс товарной биржи? Профессор Ротбард ответил бы, что во всех этих вариантах предполагается существование централизованного денежного планирования, а значит ответы на эти вопросы не имеют значения. Ведь именно такое планирование и *порождает* все те проблемы, решить которые мейнстрим предполагает, ставя эти вопросы, именно оно и является корнем и причиной многочисленных зол.

Пусть как можно более широкое распространение этой книги поможет тому, что американцы при следующих денежных кризисах перестанут мириться с тем, что государство делает с денежной системой общества.

Л. Роквелл,
президент Института Людвига фон Мизеса,
Оберн, Алабама (США),
ноябрь 1990 г.

7 Деньги представляют собой одно из самых сложных для понимания экономических явлений. Какой экономической политики, — жесткой или мягкой — следует придерживаться? Какую роль должны играть Федеральная резервная система и министерство финансов? Какими были и какими могут быть различные варианты золотого стандарта? По всем этим вопросам ведутся жаркие споры. Должно ли государство накачивать деньги в экономику или, наоборот, оно должно «откачивать» их из нее? Какой именно государственный орган должен этим заниматься? Должно ли государство стимулировать кредит или оно обязано сдерживать его? Следует ли вернуться к золотому стандарту? Если «да», то по какому курсу? Кажется, нет конца этим и аналогичным вопросам, и их число непрерывно растет.

Возможно, причиной имеющейся путаницы в воззрениях на деньги является неверно понимаемое стремление человека «*быть реалистичным*», то есть проявлять интерес только к тем политическим и экономическим проблемам, которые в данный момент являются наиболее острыми. Стоит погрузиться в текущую экономическую проблематику, как очень скоро выяснится, что упуская из виду главные, фундаментальные проблемы, мы не в состоянии сформулировать по-настоящему важные вопросы. Без глубокого понимания
8 основ мы оказываемся беспомощными в потоке быстро сменяющих друг друга событий. Без такого понимания коренные проблемы денежной системы отступают на второй план, а последовательная денежная политика сменяется бесцельным дрейфом.

Для лучшего понимания вещей порой необходимо подняться над повседневностью, увидеть перспективу. В особенности, это верно применительно к современной экономической системе. Для нее характерно наличие огромного числа чрезвычайно сложных взаимосвязей. Чтобы понять их, нам придется мысленно выделить и проанализировать несколько самых важных факторов, а затем проследить, как они действуют в реальном мире. Именно в этом состоит

смысл «метода Робинзона Крузо», любимого приема классической экономической теории.

Этот интеллектуальный прием, когда анализу подвергается искусственная ситуация — взаимоотношения Робинзона и Пятницы на необитаемом острове — является объектом ожесточенных нападок многочисленных критиков. Они указывают не неприменимость выводов, полученных в ходе такого анализа, к сегодняшней действительности. Однако этот прием выполняет очень полезную и чрезвычайно важную функцию. Он проясняет действие основных аксиом человеческой деятельности.

Поскольку деньги — самое сложное из всех экономических явлений, именно здесь мы более всего нуждаемся в широкой перспективе. Кроме того, именно деньги — это та область экономики, на которой искажающее воздействие государственного вмешательства, имевшее место в течение столетий, сказалось в наибольшей мере.

Многие экономисты, приверженные идеям свободного рынка в принципе, приступая к исследованию феномена денег, впадают в своеобразный интеллектуальный столбняк. Деньги, говорят они, это «другое дело». Предложение денег должно обеспечиваться государством. Государство, согласно их воззрениям, не обязано регулировать экономику, но должно регулировать денежную систему. Государственное регулирование денежной сферы не считается ими вмешательством в свободный рынок. Эти экономисты не могут согласиться с тем, что выводы, справедливые для свободного рынка в целом, применимы также и деньгам. По их мнению, именно государство и только оно должно чеканить монету, выпускать бумажные деньги, декретировать «узаконенное средство платежа», создавать центральные банки, накачивать деньги в экономику (и «откачивать» их оттуда), поддерживать «постоянный уровень цен» и т.п.

Исторически деньги действительно были одним из первых объектов контроля со стороны государства, и революция свободного рынка XVIII—XIX вв. не изменила ситуацию в денежной сфере коренным образом. Поэтому давно пора основное внимание сосредоточить на денежной системе.

Она поистине так же важна для бизнеса, как система кровообращения для человека.

Прежде всего давайте зададим себе вопрос: можно ли организовать денежную сферу, полагаясь на принцип свободы экономической деятельности? Можем ли мы иметь свободный рынок денег, такой же, какой мы имеем в случае других товаров и услуг? Как будет выглядеть такой рынок? К каким последствиям приведет его государственное регулирование? Если мы приветствуем свободный рынок в других областях, если мы стремимся устранить вмешательство государства в дела частных лиц и права собственности, то у нас нет более важной задачи, чем исследовать способы функционирования свободного рынка в денежной сфере.

Глава I

ДЕНЬГИ В СВОБОДНОМ ОБЩЕСТВЕ

11

1. Значение обмена

Как возникают деньги? Понятно, что Робинзону Крузо на необитаемом острове деньги были не нужны. Он не мог питаться золотыми монетами. Даже если бы Робинзон обменивался с Пятницей, например, получая рыбу в обмен на доски, они оба могли не беспокоиться по поводу денег. Ситуация, при которой могут возникнуть деньги, имеет место, только когда общество расширяется за пределы нескольких семей.

Чтобы уяснить себе смысл существования денег, мы должны вначале понять, почему люди вообще занимаются обменом? Ведь обмен лежит в основе денег и всей экономической жизни. В сущности без обмена не было бы общества.

Очевидно, что добровольный обмен возможен потому, что каждая сторона ожидает, что в результате она извлечет какую-то выгоду, улучшит ситуацию по сравнению с ситуацией, существовавшей до обмена.

Обмен означает наличие соглашения между *А* и *Б* о передаче товаров или услуг, принадлежащих одному человеку, *А*, за товары и услуги другого человека, *Б*. Очевидно, что это выгодно обоим, поскольку каждый из них ценит то, что получает, больше, чем то, от чего отказывается. Скажем, когда Робинзон меняет некоторое количество досок на рыбу, 12
то рыбу, которую он «покупает» у Пятницы, он ценит больше, чем доски, которые «продает». В то же время Пятница, напротив, ценит доски больше, чем рыбу.

От Аристотеля до Маркса люди ошибочно полагали, что обмен предполагает *равенство ценности*. Если одна сеть рыбы меняется на десять досок, думали они, то между этими предметами существует какое-то внутреннее единство.

На самом деле обмен и был-то произведен только потому, что каждая сторона *ценила* эти два блага *по-разному*.

Главной причиной такой широкой распространенности обмена является огромное природное разнообразие. Каждый человек обладает своим уникальным набором талантов и способностей. Каждый участок земли отличается своими уникальными характеристиками, своими специфическими ресурсами. В основе обмена лежит факт этого внешнего, данного природой разнообразия. Люди меняют пшеницу Канзаса на железо Миннесоты, медицинские услуги на мастерство скрипача. Специализация дает возможность каждому человеку развивать свои таланты, а каждому региону — использовать его специфические ресурсы. Если бы никто не мог обмениваться, если бы каждый человек был вынужден полагаться только на самообеспечение, бóльшая часть человечества умерла бы от голода, а оставшиеся с трудом поддерживали бы существование. Обмен является источником жизненной силы не только экономической деятельности, но и самой цивилизации.

13

2. Бартер

Прямой обмен полезными товарами и услугами смог бы только поддерживать экономику на уровне чуть выше первобытного. Такой прямой обмен, или бартер, едва ли эффективнее самообеспечения. Почему? По одной-единственной причине: очевидно, что при этом могло бы производиться очень мало продукции. Если существует только бартер и Джонс нанимает рабочих, чтобы построить дом, то чем он будет с ними расплачиваться? Частями дома? Неиспользованными в ходе строительства стройматериалами?

Две главные проблемы, возникающие при бартере, — проблема неделимости и проблема несовпадения потребностей. Если Смит изготовил плуг, за который он хотел бы получить *несколько* нужных ему вещей (например, муку, мясо и одежду), то как он может это проделать? Он же не может разломать плуг и отдать одну его часть фермеру, а другую — портному. Но даже в тех случаях, когда товары являются

физически делимыми, вообще говоря, крайне невероятно, чтобы обе обменивающиеся стороны встретились между собой за приемлемое время. Предположим, что у *А* есть овощи, а у *Б* — пара сапог. Как они могут прийти к соглашению, если *А* захочет получить не обувь, а одежду? Или представим себе преподавателя экономической теории, который вынужден искать пекаря. Для того чтобы обмен состоялся, этот пекарь должен хотеть взять несколько уроков (причем именно экономической теории) в обмен на свои изделия. 14
Любой преподаватель экономической теории скажет, что в условиях прямого обмена невозможна никакая цивилизованная экономика!

3. Косвенный обмен

Пробуя и ошибаясь, люди обнаружили способ, который позволил им осуществлять экономическую деятельность и даже расширять ее масштабы. Этот способ — косвенный обмен.

При косвенном обмене вы продаете ваш продукт не за те товары, в которых прямо нуждаетесь, а за некие другие товары. После этого вы отдаете эти другие товары в обмен на те, которые действительно нужны вам.

На первый взгляд это кажется какой-то неуклюжей, окольной операцией. Но в действительности это удивительный инструмент, делающий возможным развитие цивилизации.

Рассмотрим случай, когда *А*, фермер, хочет купить сапоги, изготовленные сапожником, *Б*. Предположим, что *Б* не нужен хлеб и он не желает менять сапоги на хлеб. Фермер, выяснив у *Б*, что ему нужно, узнает, что ему нужна, скажем, рыба. Тогда *А* выменивает за свой хлеб у рыбака *В* его рыбу, после чего отдает эту рыбу *Б* в обмен на сапоги. Он сначала покупает рыбу не потому, что она нужна лично ему, а потому, что это позволит ему получить сапоги.

Точно так же обстоит дело в примере с неделимым изделием. Смит (владелец плуга) продаст его за такой товар, 15
который ему будет легче разделить и продать — скажем, масло, — и затем, разделив это масло на части, обменяет их на муку, мясо, одежду и т.д.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)